

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ

КУЛЬТУРА НАРОДОВ ВОСТОКА

Материалы и исследования

Издательство «Наука»

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

**РУКОПИСНАЯ
КНИГА
В КУЛЬТУРЕ
НАРОДОВ
ВОСТОКА**

(ОЧЕРКИ)

Книга вторая

Главная редакция восточной литературы
Москва 1988

В середине IX в. распался Уйгурский каганат, и уйгуры, теснимые соседними народами, были вынуждены покинуть обжитые кочевья на берегах рек Толы и Селенги, названия которых стали к тому времени их поэтическими символами (*toquz toyla sekiz seleŋe*), и рассеялись по просторам Центральной Азии. Одна ветвь этого народа обосновалась в Турфанском оазисе и создала небольшое княжество с центром в г. Бешбалыке, ставшее впоследствии известным под названием княжества или государства Кочо. Роль, которую суждено было сыграть этому государству в истории культуры народов Центральной Азии, значительно превзошла географические и временные пределы этого государства, просуществовавшего четыре века — с середины IX до середины XIII в.

Кочо занимало ключевые позиции на оживленной трассе, соединяющей Восток и Запад. Караваны, идущие по этому пути, разносили по свету не только материальные, но и духовные ценности. Являясь своего рода воротами Центральной Азии, Восточный Туркестан стал местом столкновения культур Ближнего Востока, Индии и Китая. В результате их взаимодействия с культурой народов Восточного Туркестана возникли общественные институты, существование которых сыграло известную роль в формировании факторов, определивших исторические судьбы народов Центральной Азии. Для исследования культуры народов Центральной Азии первостепенное значение имеют материалы, добытые на территории Восточного Туркестана, и среди них немаловажное место занимают письменные памятники уйгуров.

Уйгурам Кочо были знакомы разные виды письменных систем. В уйгурских письменных памятниках из Восточного Туркестана представлены письменные системы: манихейская, руническая, эстрангело, брахми центральноазиатского типа, тибетская и уйгурская. Судя по источникам, наибольшее распространение среди уйгуров получило письмо уйгурское, являющееся переработанным вариантом одного из видов семитского алфавитного письма. Это письмо широко исполь-

зовалось в повседневной жизни уйгуров до того времени, пока вместе с распространением ислама не было вытеснено письмом арабским. Но, забытое уйгурами, оно еще долгое время сохранялось и было в употреблении у восточных монголов и маньчжуров, получивших его через посредство уйгуров.

Источники говорят о том, что культ письма в среде уйгуров Кочо был весьма развит. Из колофонов (послесловий или предисловий) к различным сочинениям удается установить, что изготовление копии какого-либо «священного текста» в этой среде было приравнено к высшим добродетелям и этим относительно доступным способом обрести преимущество перед лицом «грядущих перерождений» не пренебрегали. Нехватка материала (бумаги, чернил), видимо, не могла послужить препятствием в стремлении к этому. Отсюда столь значительные расхождения в качестве изготовленных копий. Наряду с филигранно выполненными ксилографами и вычурно рисованными кистью рукописями на мягкой, тонкой выделки, лучшего образца глянцева́й бумаге встречаются тексты, записанные наспех сработанным тростниковым пером на листах грубой, сероватой бумаги с проступающим на поверхности необработанным волокном. В этих целях могли быть использованы также полуистлевшие листы старых рукописей (чаще всего свитков с иноязычным текстом на оборотной стороне).

Грамотность в среде уйгуров не только служила цели получения каких-либо благ в грядущих мирах, но и весьма успешно применялась в повседневной жизни. Всякое значительное событие своей жизни уйгуры стремились зафиксировать с помощью письма. К категории таковых относились прежде всего события, в которых находили отражение какие-то формы общественных отношений: купля-продажа, наем рабов, наем скота, прокат имущества, заем денег и имущества и многое другое. Данные акты могли быть зафиксированы в форме официальных документов, которые оформляли не только специально назначенные для этого лица, но и рядовые члены общины, не менее успешно справлявшиеся с этой задачей. Немалое место было отведено и иным формам письменного общения. В письменную форму облакались распоряжения, обращения и т. п. власть имущих, фиксация которых была необходима уже потому, что эти акты большей части имели знаковый смысл. Не пренебрегали ею и частные лица.

Возможно, что наряду с другими причинами в распространении грамотности в среде уйгуров определенную роль

сыграла относительная компактность уйгурской системы письма, строящейся на основе шестнадцати графических элементов, с помощью которых передается речь, состоящая не менее чем из трех десятков фонем. Относительная детализация в передаче звуков в ней достигается сочетанием графических элементов: отдельные устойчивые сочетания графических элементов (диграфы, триграфы) соответствуют звукам и фонемам устной речи. Общее число такого рода сочетаний графических элементов в уйгурском письме равно приблизительно сорока. Избыточность графем по отношению к фонемам возникает в силу того, что некоторые графемы позиционно закреплены. Они встречаются лишь в одной из возможных позиций: инициальной, медиальной, финальной и свободной. При объединении позиционных вариантов графем в группы число таких групп не превышает двадцати. Как было сказано выше, с их помощью передается не менее тридцати фонем с аллофонами, и, следовательно, некоторые из этих графем являются многозначными (полифонными). Кроме того, аллографы разных графем в некоторых позициях совпадают.

Все эти факторы в совокупности не могли не вызвать осложнения при пользовании письмом. Но на практике неудобства, возникающие в результате полифонии и омографии, легко преодолевались, в чем немалую роль играла, по всей видимости, стандартизация написания наиболее ходовых элементов языка. Для лиц, владеющих письмом, знание графических стереотипов, по-видимому, было также обязательно, как и владение самой системой. Показательно, например, что закрепленная в письменной практике графическая форма отдельных лексем и грамматических элементов сохраняется не только в классических текстах, выполненных с соблюдением всех норм и правил, но и в начертанных на скорую руку записях неофициального характера.

Уйгурское письмо компактно и экономично, но отражает фонологическую систему языка в условной, схематической форме, поэтому восстановление на его основе реального звучания языковых элементов сопряжено с известными трудностями. Другие письменные системы, которые применялись в ту эпоху для фиксации тюркоязычных текстов наряду с уйгурской, в некоторых отношениях дополняют ее. Первой среди них должна быть названа письменная система брахми.

Письмо брахми было внедрено в уйгурскую среду в результате деятельности буддийских миссионеров, вероятнее всего тохаров и саков. В пользу такого предположения говорят, в частности, некоторые особенности тюркоязычных текстов на

письме брахми: они, как правило, двуязычны; содержат знаки, которые отсутствуют в индийских текстах, но встречаются в текстах тохарских и сакских; дуктус письма в них относительно поздний по типу. Отличительные свойства письма брахми, бывшего в употреблении в Уйгурии и в других районах Центральной Азии, послужили основой для выделения особых, центральноазиатских вариантов этого письма. С помощью центральноазиатского брахми типа «Б» в уйгурских текстах фиксируется не отражаемое другими видами письма различие между узкими и широкими лабиальными гласными о/у, ö/ü, долгими и краткими гласными и т. п. Но использование заключенных в этих текстах данных для изучения фонематического состава уйгурского языка осложнено тем, что в письме брахми применительно к уйгурскому языку не выработаны единые нормы и в орфографии текстов существуют расхождения, причины возникновения которых не всегда очевидны. Малочисленны, но небезынтересны в указанном отношении также уйгурские тексты на тибетском письме: только в них отражено, к примеру, различие между твердыми и мягкими гласными *ī* и *i*.

Интерес к разным системам письма появлялся и исчезал вместе с политическими, культурными и религиозными веяниями. Прочно укоренилось в среде уйгуров Кочо лишь письмо уйгурское. С течением времени это письмо менялось, но изменения затрагивали не столько его содержание, сколько внешнюю сторону. Заметные изменения претерпел дуктус уйгурского письма. В рукописных книгах раннего времени представлен строгий, лишенный вычурности стиль письма. Позднее письмо становится витиеватым, и в нем явственнее проступают признаки дополнительной, декоративной функции. Будучи созданным на основе одной из разновидностей семитского алфавитного письма, уйгурское письмо сохраняет порядок, свойственный семитскому типу письма. Но в отличие от последнего строки уйгурского письма направлены вертикально и слева направо, что, вероятнее всего, произошло под влиянием некоторых распространенных в Центральной Азии разновидностей вертикального письма.

* * *

Когда речь идет об уйгурской книге, то привычное представление о средневековой книге, вызывающее в памяти тисненные переплеты, отливающие радужным блеском шелковые футляры, золотой обрез, красочные миниатюры и т. п., отступает на второй план перед реальностью, которая пред-

стает по преимуществу в виде разрозненных, истлевших, бурых от времени клочков бумаги, мало похожих на тома книг. Эти обрывки-фрагменты были по большей части найдены на развалинах заброшенных селений, где они были предоставлены во власть песка и ветра. Небольшое число относительно неповрежденных экземпляров книг сохранилось в монастырях в качестве священных реликвий, у частных лиц или в забытых библиотеках, как, например, в пещерах Тысячи будд близ Дуньхуана.

В источниках говорится, что некогда в Уйгурии существовали библиотеки, насчитывающие сотни томов [Laufer, 1907, с. 302]; реально сохранились от них лишь случайные фрагменты и упоминания современников. Их исчезновению, по-видимому, немало способствовало наряду с другими причинами распространение ислама в Восточном Туркестане, в результате чего уйгурское письмо было вытеснено арабским, идея же о магическом воздействии буддийских священных текстов пересмотрена не в пользу последних. Если предметы материальной культуры, обнаруживаемые в погребенных под барханами остатках древних поселений, в какой-то мере еще могли интересовать местное население, то ветхие клочки бумаги с непонятными знаками пользовались значительно меньшим спросом. Интерес к восточнотуркестанским памятникам письменности возрождается с конца XIX в. в связи с деятельностью путешественников и исследователей, посетивших эти места и обративших внимание на их историческое и культурное значение. Начиная с этого времени Восточный Туркестан становится объектом пристального внимания со стороны различных научных организаций. В Восточный Туркестан направляется ряд экспедиций из разных стран, в результате деятельности которых был собран значительный материал, в том числе и по письменной культуре раннесредневековой Уйгурии. Несмотря на относительную скудость и фрагментарность, этот материал позволяет, хотя бы и в мозаичном виде, воссоздать историю письменности тюркоязычных народов Восточного Туркестана в период раннего средневековья.

* * *

Судя по источникам, развитие техники книгопроизводства в уйгурском государстве Кочо неразрывно связано с таковым в Центральной Азии в целом. Преобладало несколько типов книг. Наибольшее распространение получила в уйгурской среде форма книги, имитирующая форму пальмовых листьев. Эта форма была импортирована из Индии

вместе со «священным законом», записанным в книгах из пальмовых листьев, и, видимо, поэтому она более характерна для книг буддийского содержания. Листы в этих книгах имеют вид узких прямоугольников, на одной половине которых имеется отверстие для шнура. С помощью шнура листы связываются вместе, чтобы обеспечить их сохранность и относительный порядок. Крупноформатные книги могут иметь на листе два отверстия. Отверстие для шнура обводит кругом, устанавливающим расстояние между ним и текстом, необходимое для предохранения текста от повреждения в результате постоянного движения шнура. Позднее этот способ брошюровки книг утратил свое значение, отверстие исчезло, но круги на страницах «пальмовых листьев» сохранялись как стилизующий и декоративный элемент.

Строки письма на «пальмовом листе» могли быть направлены как параллельно длине листа, так и перпендикулярно. В зависимости от этого менялось местоположение отверстия для шнура и элементов пагинации.

Типичский образец этой формы книги, к тому же относительно полно и без повреждений сохранившийся, является собой рукопись сутры «Суварнапрабхаса» из фонда древнеуйгурских рукописей ИВАН СССР. Уйгурская версия этой сутры, известная под названием «Алтун ярук», создана известным литератором государства Кочо Шынгко Шели-тунгом. Согласно колофону, ленинградский список сутры завершен «в двадцать шестой год правления династии Кан-си», что соответствует 1687 г. Рукопись была приобретена С. Е. Маловым во время его экспедиции в Восточный Туркестан в 1909—1911 гг., организованной Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. Большая часть рукописи приобретена им в селении Вуншигу в провинции Ганьсу, часть получена в дар от губернатора Сучжоу. По качеству материала и оформлению списка можно предположить, что его заказчики были люди достаточно состоятельные и для осуществления своего замысла прибегли к помощи искусных мастеров. При сопоставлении рукописи сутры «Алтун ярук» с другими уйгурскими рукописями бросается в глаза, что, несмотря на относительно позднее время изготовления, рукопись выполнена с соблюдением норм оформления рукописной книги, принятых в государстве Кочо, и знанием требований, предъявляемых там к этому виду искусства. Это обстоятельство достойно удивления, если учесть ситуацию, которая имела место в Восточном Туркестане на два века позже: «Ныне, спустя всего два столетия, среди современных нам уйгуров, живущих там же, откуда проис-

ходят описываемые теперь мною рукописи, нет даже и воспоминаний о существовании когда-то среди них не теперешней тибетской, а своей родной уйгурской письменности» [Радлов — Малов, 1913—1917, с. IV]. Удивительно и то, что при сопоставлении языка ленинградского списка сутры «Алтун ярук» и более ранних списков этого сочинения, а также языка других произведений того же автора устанавливается их полная идентичность. В течение веков язык сочинения не был подвергнут какой бы то ни было переработке и модернизации. Переписчики-каллиграфы, возможно благодаря вере в особые магические свойства этих реликвий, изготовляли относительно точную копию «священного образца», не стремясь, как это нередко случается, «исправить» и пояснить части текста, ставшие недоступными пониманию их современников.

«Алтун ярук» из ленинградского собрания — рукопись большого формата (размер листа — 22×58 см при величине рамки $15,5 \times 49,5$ см.). Она написана на мягкой, тонкой, глянцевои, подкрашенной в желтый цвет бумаге без верже. Текст обведен двойной рамкой: внутренняя рамка прочерчена киноварью, внешняя — черной тушью. На каждой странице — два условных (без отверстия) круга для шнура, начерченных при помощи циркуля, которые, так же как и рамка, являются двойными и двухцветными. Величина диаметра круга колеблется от 1,5 до 1,8 см. Круг разрывает одну строку (пятую, шестую или седьмую строку левой половины и шестнадцатую, семнадцатую или восемнадцатую строку правой половины страницы). Расположение декоративных элементов на странице и элементов пагинации говорит о том, что письмо читалось вертикально. Строки параллельны узкой стороне листа. Сведения о пагинации, включающие счет листов и разделов, размещены на лицевой стороне листа слева и отделены от основного текста рамкой. Шрифт пагинации мельче шрифта основного текста. Кое-где на страницах встречается правка. Место правки текста отмечено небольшим кружочком справа от строки, слева от строки вписан исправленный вариант текста.

Первые страницы каждого раздела содержат элементы декоративного убранства. На каждой из них киноварью воспроизведено название сочинения, а начало текста отмечено миниатюрным изображением Будды, сидящего на лотосовом троне. Изображения Будды — цветные, они характеризуются тонкостью рисунка, контрастной красочной гаммой. Из признаков, характеризующих Будду, в них представлены лишь некоторые: нарост на голове (*ушннша*); продолговатые моч-

ки ушей, нимб вокруг головы и мандорла. В верхней части ушниша имеет белое пятно, которое, видимо, обозначает драгоценный камень. Черные волосы оттенены зеленым тоном нимба, который переходит в мандорлу того же цвета. Пурпурный цвет накидки на плечах и красный фон рисунка контрастируют с зеленым цветом нимба, мандорлы и платья. В изображении на первой странице девятого раздела впечатление контрастности тонов еще более усиливается благодаря тому, что лицо и тело Будды окрашены в синий цвет. В разных изображениях в позу Будды внесены изменения.

Другая форма книги, также распространенная в уйгурской среде рассматриваемого периода, — книга-тетрадь. Книга-тетрадь состоит из прямоугольных листов бумаги, согнутых пополам и сшитых по месту сгиба. Эта форма, по всей видимости, была принесена в Восточный Туркестан с Запада. Она более типична для текстов манихейского и христианского содержания. При этом способе брошюровки текст может быть расположен как горизонтально по отношению к сгибу, так и вертикально. В последнем случае информация о номерах листов и разделов помещается на двух страницах, в развернутом виде примыкающих друг к другу.

Некоторой модификацией тетради является форма книги, в основу которой положен принцип сшивания листов одного формата по краю.

Одной из редких, относительно полно сохранившихся рукописей, сброшюрованных по этому способу, является список уйгурской версии сутры «Дишаствустик», хранящийся в рукописном собрании ИВАН СССР. Форма этой рукописи не имитирует форму пальмового листа: листы, близкие по форме к квадрату (15×13 см), сшиты тонкими нитями по верхней кромке.

Судя по расположению элементов пагинации (на верхнем поле страницы), письмо читалось вертикально; при горизонтальном чтении знаки пагинации следуют снизу вверх, нарушая естественный порядок оформления страницы. Листы рукописи следуют слева направо. Они изготовлены из плотной, грубоватой бумаги, коричневого тон которой, возможно, является вторичным признаком. В тексте встречаются вставки, сделанные чернилами красного цвета, выделяющими отдельные участки текста. Характер письма свидетельствует о том, что рукопись является относительно ранней по времени создания.

Уйгурам Кочо была известна также архаичная форма книги — свиток, одной из модификаций которой является книга-гармоника. Свитки в Уйгурии изготовляли способом

последовательного склеивания отдельных листов одного формата в один, общая длина которого могла достигать нескольких метров, образуя довольно длинную полосу. К одному концу этой полосы бумаги прикреплялся деревянный стержень, равный по длине ширине бумажной полосы. Он служил своего рода осью, вокруг которой бумажный лист сворачивался. К началу свитка прикреплялся шнур, который был необходим для фиксации свернутого положения свитка и хранения его в этом положении. Эта мера способствовала предохранению свитка от разрушения. Свитки хранились в связках, но принцип подбора связок не всегда очевиден.

Письмо в свитках направлено вертикально по отношению к длине листа. Сверху и снизу строк остаются поля шириной 2—3 см — своего рода запас на случай разрушения. Текст в свитках в отличие от потхи и тетради пишется только на одной стороне листа. Но нехватка бумаги часто вынуждала использовать для записей обратную сторону устаревших и ненужных свитков, чаще всего — свитков с иноязычным текстом. Поэтому текст на оборотной стороне свитка, как правило, не связан по содержанию с текстом на лицевой стороне.

Уйгурских свитков сохранилось немного. Одним из довольно хорошо сохранившихся свитков является уйгурский документ с хозяйственными записями из рукописного собрания ЛО ИВАН СССР (SI Kг/638), склеенный из отдельных листов размером 19,5×41 см (его длина около трех метров). Хорошая сохранность свитка, видимо, объясняется качеством бумаги — тонкой и прочной, судя по другим образцам документов, редко используемой для повседневных записей.

Позднее свитки вытесняются книгами формы «гармоника», что было вызвано очевидным преимуществом этой формы по сравнению со свитками, непрактичными и неудобными в пользовании: для разворачивания и чтения громоздких, многометровых свитков приходилось порой держать специальную мебель. Но даже самые тщательные предосторожности не могли защитить свиток, и при систематическом использовании он быстро разрушался.

Книги гармоникой, так же как и свитки, состоят из склеенных в одну полосу листов, но полоса в них не сворачивается вокруг оси, а складывается в виде ширмы. Книга имеет столько складок, сколько отдельных листов склеено в одну полосу. Каждый лист книги гармоникой изготовлялся отдельно, и затем готовые листы с текстом подгонялись друг к другу с учетом расстояний между краями страниц и рамкой текста. В сложенном виде книга гармоникой часто имеет пропорции пальмового листа, но тип брошюровки скорее напо-

минает тетрадь, главным образом тем, что листы ее перелистываются так же, как и листы тетради. Эта форма книги в Уйгурии была более характерна для ксилографов.

Наряду с объемистыми томами в средневековой Уйгурии были в ходу также записи на отдельных листах, которым отводилось немалое место как способу передачи и хранения информации. Эти портативные пособия, различные по содержанию (выписки из священных писаний, амулеты, календари, медицинские и фармацевтические записи, контракты, распоряжения и т. п.), отвечали запросам повседневной жизни. Для записей этого типа чаще всего применялись сероватая бумага грубой выделки, вид которой наводит на мысль о том, что спрос на бумагу в Уйгурии в немалой степени удовлетворялся за счет местного кустарного производства.

Спрос на письменную продукцию, по-видимому, был достаточно велик, и на рубеже XIII—XIV вв. изготовление книг переводится на иную основу — был разработан способ механического воспроизведения текста (ксилография).

Примитивные приспособления для многократного воспроизведения одной и той же надписи или изображения — печати и оттиски — были известны в Центральной Азии уже в VII в. Они и послужили основой для развития ксилографии. Вместо небольших оттисков впоследствии стали изготавливаться печати с обширным текстом, которые со временем были увеличены до размеров печатных досок. С их помощью можно было воспроизвести объемистые произведения в большом числе экземпляров. Одна из наиболее ранних, дошедших до нашего времени печатных досок с уйгурским текстом, найденная П. Пельо в Дуньхуане, создана на рубеже XIII и XIV вв.

Доски для печатания изготавливались следующим образом. Текст, подлежащий размножению, писали на прозрачной бумаге каллиграфическим почерком и в перевернутом виде (вниз письмом) наклеивали на заранее подготовленную, отшлифованную доску из древесины твердой породы. Затем по контурам, проступавшим сквозь прозрачную пленку бумаги, выдавливали промежутки между знаками, в результате чего на доске получалось рельефное, зеркальное изображение текста. На рельефную поверхность с помощью специальной щетки наносили краску и, приложив к бумаге, получали позитивный отпечаток текста; с помощью одной доски можно было изготовить сколь угодно большое число оттисков текста.

Судя по тому, что для изготовления рукописей могла быть использована бумага самых разных сортов, выбор сорта бумаги для рукописи зависел главным образом от возможно-

стей и вкуса заказчика. Иначе обстояло дело в ксилографии. Ксилографические тексты отпечатаны, как правило, на тонкой, мягкой, хорошо впитывающей краску бумаге. Другой тип бумаги в уйгурской ксилографии встречается реже. Такое ограничение в выборе сортов бумаги, по-видимому, определялось в известной мере техникой ксилографирования.

При окончательном оформлении ксилографической книги заготовленные на отдельных листах оттиски склеивали в одну полосу, следя за тем, чтобы расстояния между рамкой и краем листа были всюду соразмерны. Одна полоса состоит из четырех-шести (в редких случаях — из восьми) склеенных вместе листов. На каждой странице размещается от четырех до шести строк текста. Формат книг мог быть разным. Наиболее часто встречающиеся форматы: 25—27×10—12 см и 13—16×8—9 см.

Несмотря на тщательность изготовления, в печатные доски нередко вкрадывались ошибки, впоследствии нередко исправляемые. Правка текста на досках осуществлялась тем же способом, что и правка рукописей: справа от ошибочного знака ставили кружок или крестик, слева — вписывали (вырезали) правильный вариант текста.

Со временем техника ксилографии была усовершенствована. Совершенствование ксилографии в конечном счете привело к созданию подвижного шрифта, изготавливаемого уже не только из дерева, но в зависимости от условий из глины и металла. Техника изготовления подвижного шрифта из дерева очень близка к технике ксилографии. Разница состоит лишь в том, что при изготовлении подвижного шрифта на доске вырезали не текст, а отдельные знаки. Затем доску с рельефным изображением знаков разрезали тонкой пилой на отдельные знаки-кубики. Путем комбинации этих знаков-кубиков можно было отпечатать уже не один-единственный, а множество различных текстов.

Применяли ли уйгуры подвижный шрифт — неизвестно, но установлено достоверно, что некоторые шаги на пути к усовершенствованию техники ксилографии ими были предприняты. Обнаружены бруски-клише с уйгурскими знаками, содержащие наиболее ходовые элементы текста (грамматические формы, слоги, употребительные слова и т. п.). Вставляя их в соответствующие пазы при изготовлении печатных досок, можно было значительно убыстрить и облегчить эту работу.

Для того чтобы сделать какую-либо запись, жителями Восточного Туркестана в ту эпоху применялись и камень, и дерево, и прочие материалы, но основным материалом для

письма служила бумага. Химический анализ восточнотуркестанской бумаги времени Кочо не производился, поэтому пока трудно говорить о том, изготавливалась ли она на месте или импортировалась. Но многообразие сортов бумаги и заметные расхождения в качестве говорят о различии источников ее происхождения. Грубая, плохо обработанная, «тяжелая» бумага, используемая повседневно, едва ли была привозной. Маловероятно, чтобы продукцию, имеющую столь непритязательный товарный вид и неэкономичную с точки зрения транспортировки, стали бы возить издалека при тех транспортных средствах, которыми уйгуры тогда располагали. Скорее всего она производилась руками местных кустарей *ad usum*. Высококачественная, тонкая, прочная, по видимому импортная, бумага применялась главным образом для изготовления образцовых рукописей «священных» текстов, рассчитанных на длительное хранение с целью приумножения и продления их благотворного действия.

Не исключено, что так же обстояло дело и с прочими материалами для письма. Дорогие привозные тушь и кисти для письма, видимо, были малодоступны широким слоям населения, и поэтому в повседневной жизни были в ходу чернила местного производства, тростниковое перо. В качестве чернильницы служила каменная пластина с углублениями.

Для уйгурской книги нетипичен орнамент, явно выраженный. Уйгурские мастера при оформлении книги редко прибегали к помощи внешних способов украшения в виде бордюров, «палисадников», миниатюр и т. п. Носителем зрительной эстетической функции в уйгурской книге выступал прежде всего сам текст. Строгое стандартное письмо усилиями каллиграфов превращалось в вычурную вязь, а способ выделения «примечательных» частей текста с помощью чернил иного цвета мог стать выразителем дополнительной семантики: ритмического членения текста и нарушения его зрительной монотонности. В своем наиболее завершенном выражении этот способ оформления текста приводил к вычленению в нем геометрических фигур.

Декоративную функцию в книге нередко выполняли также графление, рамка и круги вокруг отверстия для шнура. Графление могло быть бесцветным, выдавленным на бумаге с помощью какого-либо острого предмета или специальной формы, но могло быть и цветным и служить цели как равномерного распределения строк на странице, так и усиления впечатления красочности оформления страницы. Роль рамки также не ограничивалась выполнением ее прямого назначения — ограничения на странице места для текста, гаран-

тирующего его сохранность при разрушении краев листа. Декоративным элементом страницы являлась, по сути дела, уже обычная двойная двухцветная рамка. В орнаментированных рукописях этот элемент мог перерасти в цветистый бордюр, левый и правый края рамки стали основой для «палисадников».

Ошибочно воспроизведенные части текста корректировались: справа от строки ставили кружок или крестик, символизирующие призыв к активизации внимания, слева от строки вносили правку к тексту. Пространство между строк использовалось также для разного рода глосс.

В конце (реже — в начале) разделов помещаются колофоны, в которых представлены различные сведения об авторе сочинения, переводчике, дате переписки (в полном наборе или частично, более подробно или менее). Составителю колофона в этом отношении представлялась некоторая свобода выбора. Помимо имен создателей сочинения и инициаторов переписки в приписках к тексту могли быть перечислены имена лиц, о благе которых пекутся организаторы переписки. Список имен, приводимый в такого рода приписках, может быть весьма внушительным, благодаря чему они становятся ценным источником для изучения ономастики и титулатуры.

Дата переписки фиксируется чаще всего по двенадцатилетнему животному циклу, вследствие чего в настоящее время практически не удается установить точное время перевода и переписки многих сочинений. Будучи вполне пригодным для малых периодов времени, этот способ датировки перестает отвечать своему назначению по истечении длительного периода времени, включающего несколько веков.

Едва ли только последовательностью произведения записи можно объяснить тот факт, что приписки с именами авторов и переводчиков, как правило, даются тем же шрифтом, что и основной текст сочинения, зрительно как бы включаясь в него, в то время как имена инициаторов переписки и лиц, которым они покровительствуют, приводятся в приписках, отличающихся по шрифту от основного текста. Таким образом как бы проводится грань между сведениями первого и второго рода: на шкале одного порядка помещаются имена автора и переводчика, на шкале другого порядка — имена переписчиков. Автор сочинения и переводчик как бы приравнены друг к другу, и происходило это, по-видимому, не случайно. В раннесредневековой уйгурской литературе сочинений оригинальных в современном значении слова сравнительно немного. В основной своей части она состоит из переводов или переложений каких-либо известных, «авторитетных» со-

чинений. Искусство словесника в их создании проявляется не в изобретении перипетий сюжета, так как главным в произведении, что поднимало его до уровня произведения искусства, был не сюжет. В большей степени эта роль была отведена другим сторонам произведения. Большое значение в работе словесника приобретала работа над структурой текста на всех уровнях — от собственно языкового до уровня организации текста в отношении к заданным формам поэтических структур. Способ организации текста служил тем средством, с помощью которого словесник добивался создания напряжения, необходимого для успешного функционирования произведения искусства. Будучи перенесенным в иную языковую среду, произведение искусства как бы воссоздавалось заново применительно к новым условиям. Языково-поэтическая система его нового варианта базировалась на иных отношениях и связях между частями и иных внетекстовых связях, чем система оригинала. Эта особенность литературы стимулировала повышенный интерес к фактам языка как элементарным частицам системы, и поэтому не случайно, что уйгурские словесники уделяли большое внимание работе на собственно языковом уровне.

Сохранившиеся до наших дней раннесредневековые уйгурские тексты представляют собой случайный набор, и тем не менее на их основе можно установить, что наибольшее распространение в Кочо получили сочинения, служащие цели утверждения и распространения буддизма. На уйгурский язык были переведены многие тексты буддийского канона — непосредственно с санскрита или через посредство других языков: тохарского, тибетского, китайского и др. В наиболее полном виде сохранились уйгурские версии сочинений: «Суварнапрабхаса», «Саддхармапундарика», «Майтреясамити», «Ваджраччхедика», «Амитаюс-сутра», «Абхидхармакоша-шастра», «Йогачарьябхуми-шастра», «Дишаствустик-сутра», биография Сюань-цзана, и многих других. Замечено, однако, что среди уйгурских переводов отсутствуют сочинения, относящиеся к Винае — разделу буддийского канона, посвященному изложению основ этики и правил поведения буддийских монахов. По мнению исследователей, это обстоятельство объясняется тем, что служителям монастырей буддийские тексты были доступны на языке оригинала и они не нуждались в переводах [Gabain, 1963, с. 221]. Переводы, очевидно, предназначались для «широкой публики».

Уйгурская книга не всегда поддается классификации по признаку жанра. Стихотворные и прозаические, эпические и лирические элементы часто представлены в ней в синкретиче-

ском, нерасчлененном виде и дают достаточно ясное представление о том, какие формы и способы организации текстов имели место в раннесредневековых уйгурских текстах, и об их связи с традиционными формами (гимнами, песнями, сказаниями, легендами и т. п.). Ресурсы уйгурского языка при создании литературных произведений были использованы столь виртуозно, что найдены способы передачи не только сложных идей и понятий, но и семантики иных уровней текста, включая сверхфразовый, что, в свою очередь, не могло не оказать влияние на развитие литературного языка, способствуя включению его в сферу новых языковых пластов и приводя к перестройке языка. В итоге был создан язык, который длительное время служил эталоном и оказал существенное влияние на формирование тюркских литературных языков в последующие эпохи.

Из всего богатства раннесредневековой уйгурской литературы до нас дошла лишь небольшая часть. Из-за скудости имеющегося материала и его недостаточной изученности пока невозможно дать ответ на многие вопросы, которые неизбежно встают при изучении письменной культуры народа. Мы не располагаем достаточными сведениями, чтобы определить, например, роль библиотек в повседневной жизни уйгуров, каналы распространения книг, запросы читателей и т. п. Эти и многие другие вопросы, связанные с изучением письменной культуры уйгуров, пока остаются открытыми.

Радлов — Малов, 1913—1917.— *Suvarṇarabhāsa* (Сутра золотого блеска). Текст уйгурской редакции. Изд. В. В. Радлов и С. Е. Малов.— *Bibliotheca Buddhica*. 17. I—II. СПб., 1913.

Gabain, 1963.— *Gabain A. von. Vorislamische alttürkische Literatur.*— *Handbuch der Orientalistik*. Bd. 5. Leiden—Köln, 1963.

Laufer, 1907. — *Laufer B. Zur buddhistischen Literatur der Uiguren.* — *T'oung Pao*. Serie 2. Vol. 8, 1907.

Л и т е р а т у р а

A. von Gabain. *Alt-türkisches Schrifttum.*— *Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Phil.—hist. Klasse*, 1948, № III, B., 1950.

A. von Gabain. *Die Drucke der Turfan-Sammlung.*— *Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst*. 1967, № 1, B., 1967.

A. von Gabain. *Das Leben im uigurischen Königreich von Qočo (850—1250).*— *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*. Wiesbaden, 1973.

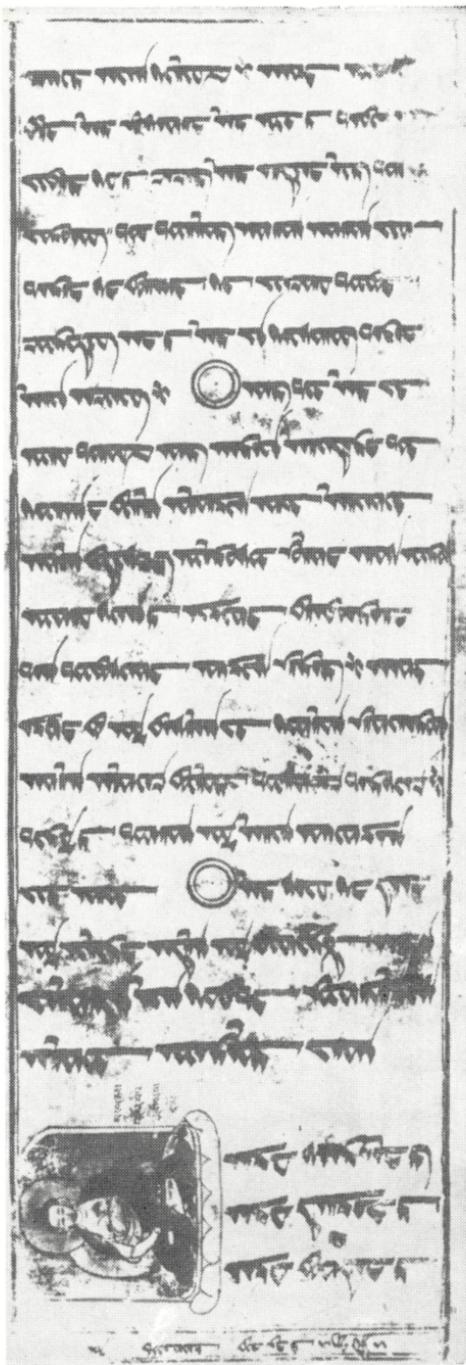

Рис. 26. К статье Л. Ю. Туешиевой. Лицевая сторона начального листа четвертого раздела утпурской версии сутры «Суварнапрабхаса» («Золотой блеск»). SI M.1

Рис. 27. То же. Обратная сторона листа

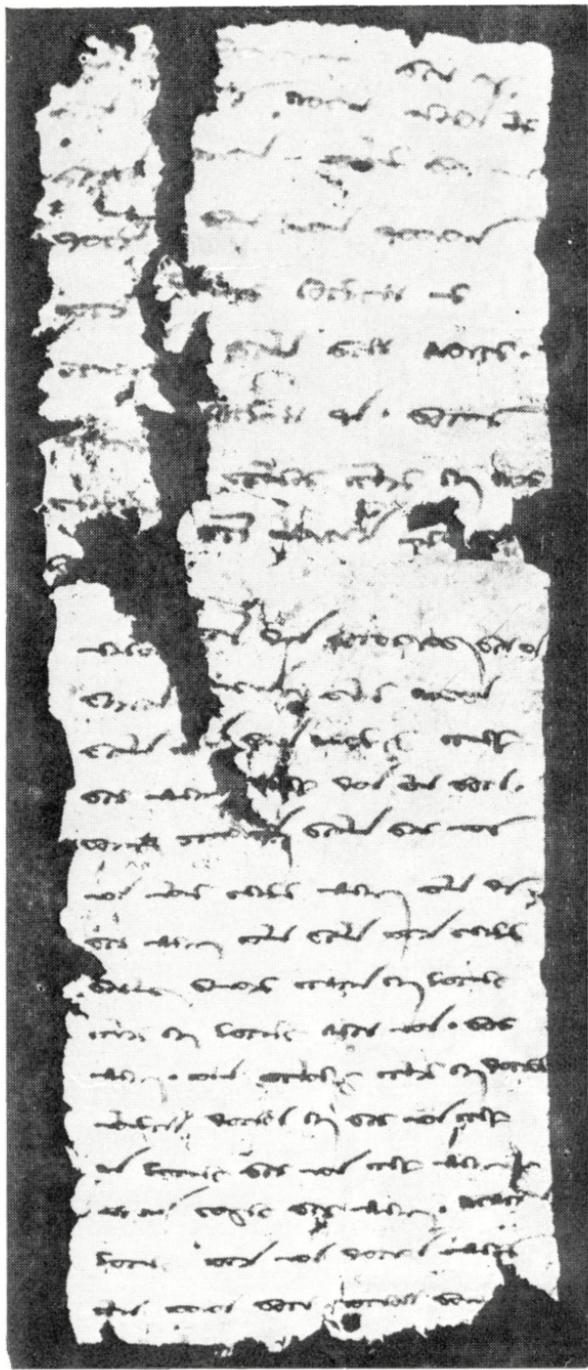

Рис. 28. К статье Л. Ю. Тукушевой. Уйгурский деловой документ
из коллекции С. Ф. Ольденбурга. SI $\frac{0}{39}$